

опалы и заточения Пселла в монастырь Та Narsou, якобы имевшим место сразу после прихода к власти Константина Дуки в 1059 г. (см. стр. 52). Простая проверка источников, на которые ссылается недавно умерший исследователь, показывает необоснованность этого утверждения².

Однако именно использование источников — наиболее уязвимое место рецензируемой книги. «Хронография», разумеется, цитируется много и часто, но подавляющее большинство речей, писем, трактатов Пселла не приводится даже в списке литературы. Такой важнейший памятник, как «Энкомий матери», цитируется из вторых рук. Дело тут, видимо, не в простой неосведомленности автора, А. Гадолину «принципально» не нужны никакие другие источники, помимо «Хронографии». Сведения и взглядам, содержащимся в историческом сочинении Пселла, он доверяет абсолютно и не испытывает потребности в коррекции их другими источниками, хотя в византийском средневековье вряд ли найдется другой столь же противоречивый и непостоянный в своих суждениях автор, как Михаил Пселл.

Одни из суждений автора книги представляются нам справедливыми, другие — спорными, третьи — неверными, но почти все они одинаково бездоказательны. Если бы А. Гадолин даже оказался прав во всех частностях, его основной вывод о полной зависимости идей «Хронографии» от античности не мог бы считаться правомерным: неоригинальность элементов, из которых строится «Хронография», — отнюдь не доказательство неоригинальности произведения в целом, кирпичи разрушенного здания могут, как известно, быть прекрасным материалом для новых построек. Античные элементы нередко используются в Византии в новом контексте и функционируют в ином качестве.

В большинстве случаев мы не касались сути основных положений книги, обсуждение поставленных проблем увело бы нас далеко за рамки рецензии. Мы старались показать только недостаточность основного метода авторской аргументации.

Книга А. Гадоллина может служить в некоторых своих частях сводкой данных «Хронографии» о тех или иных сторонах общественной жизни Византии XI в. Этим, по нашему мнению, ограничивается ее значение.

Я. Н. Любарский

F. H. Tinnefeld. *Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates.*
München, 1971, S. 205

Сквозь четкие строки, писанные рукой средневекового каллиграфа, неясно проступает портрет императора Фоки (602—610). Свицовая печать, на которой он изображен, сохранила для нас в обобщенном, стилизованном виде внешний облик василевса, прославившегося своей жестокостью. О делах же его, вернее лишь о толике кровавых деяний Фоки, рассказывает небольшой лист пергамента, воспроизведенный вместе с моливдовулом на обложке книги Ф. Тиннефельда — фрагмент из «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (первая половина XII в.). Впрочем, не только государи, стяжавшие, подобно Фоке, славу тиранов, но и более умеренные в своих поступках василевсы ромеев не избегали зачастую суровой критики современников или потомков. Что порождало критику в каждом конкретном случае, в какие формы она облекалась, — об этом книга западногерманского византиниста.

Уточняя во введении тему и объем монографии, Ф. Тиннефельд сразу же оговаривается: для изучения элементов критики привлекается только историческая литература, памятники иных жанров рассматриваются в порядке исключения (стр. 12). Исследование охватывает эпоху с VI до начала XIII в., от Прокопия до Никиты Хониата. Что же касается выбора источников, то он ограничен не только жанром: для решения поставленной перед собой задачи Ф. Тиннефельд использует сочинения византийских историографов и хронистов постольку, поскольку они дают существенный для его темы материал. Из компиляций во внимание принимаются лишь те, которые «сохранились полностью и до известной степени самостоятельны или, по крайней мере, передают значительную часть утерянных первоисточников» (стр. 14). Таким образом, в книге не учитываются «Хронография» Иоанна Малалы, «Пасхальная хроника», «Сокращенное изложение» Иоанна Киннама, «Хроника» Михаила Глики, «Историческое обозрение» Константина Манасии и ряд анонимных хроник IX в.

На первый план при анализе выдвигается вопрос о категориях критики императоров, при этом внимание исследователя обращено не столько на негативные факты как таковые, сколько на те побуждения, интересы, представления, которые порождали в течение столетий критику византийских автократов. Из буквального смысла (aus dem Wortlaut) критики и ее контекста, а также с помощью известных биографических данных пытается Ф. Тиннефельд выяснить мотивы, вызывавшие к жизни критические замечания византийских историков (стр. 12). Византинист ищет ответ на по-

² См. наши замечания: ВВ, 34, 1973, стр. 77—78.

ставлен
циальн
хорошо
(Anlieg
ность:
от писа
нялось:
нием ис
ского с
ем Скол
чает в
Тем не
вирав
(стр. 16
131), х
ными х
адмими
начить
Так по
«устави
спорит
времен
антийс
не выз
Мы
логи и
нается
критиче
типиана
торов-и
Хониата
мея над
с замети
и т. д.
Вая
зусмые
вает сам
чем лич
нием эту
пия (стр
историк
высказы
стика —
важны
867), л
(стр. 98
Обр
большог
бедне г
сравнен
фельда
(стр. 34)
ний вну
ниями к
Мидасом
в нем ча
лем, по
разному,
благопол
Ф. Т
ператоро
раторов,
литерату
но и тем
официал
тивность
гера об